

Л. Н. Сафронова

«СУРОВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ НАС НАУЧИЛИ ТЕРПЕТЬ...»

Людмила Николаевна Сафронова (р. 1929) — выпускница Ленинградского хореографического училища 1947 г. (по классу А. Я. Вагановой), артистка саратовского Театра оперы и балета (1947–1949), ленинградского Малого театра оперы и балета (1950–1969), заслуженная артистка РСФСР (1959), преподаватель классического танца, методики классического танца, профессор Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой.

Ксения Зубарева. Людмила Николаевна, расскажите, пожалуйста: какой была ваша жизнь во время эвакуации?

Людмила Николаевна Сафронова. 22 июня началась война, а 3 июля нас уже увезли под Кострому, на Волгу. Поначалу было не страшно, и все выглядело так, как будто детей вывезли на летний отдых. Солнышко светило ярко, а небо было чистое. Вдруг, неожиданно для нас, детей, появились грозные самолеты... Нас сразу же посадили на пароход и эвакуировали дальше в тыл страны, на Урал. Дорога была трудная, пароходы, которые шли впереди и сзади, утонули, но о том, что наш путь был совсем небезопасен, мы узнали уже потом. Судьба хранила нас!

Л. Н. Сафронова. 2014 г.
Фото В. Васильев

Мы прибыли в село Полазна. Была осень, начались дожди, жуткая грязь — так и прозвали мы это местечко: «Непролазна». Нас разместили в большом каменном доме, окна которого выходили на кладбище. Днем мы ходили на сельскохозяйственные работы, а затем какая-то еда и сон. Спальня у нас была большая, на тридцать человек, а напротив — комната воспитательницы. Однажды она вышла в коридор в ночной рубашке, а мы, увидев «привидение» с протянутыми вперед руками, очень испугались и заплакали. Быстро повернули обратно в комнату, но «хвост» уже был длинный, и вернуться не было никакой возможности. Зоя Андреевна кричала: «Девочки, девочки, это я, ваша Зоя Андреевна». Но все было тщетно, мы ее не слышали, так как все плакали и кричали: «Привидение, привидение...» Картинка была страшная: за окном луна освещала кладбище, а в доме кричали и плакали дети, которых Зоя Андреевна пыталась успокоить.

Затем нас перевезли ближе к Перми, куда был эвакуирован Кировский (Мариинский) театр, и разместили в поселке Нижняя Курья на берегу реки Камы. Мы жили в маленьких деревянных домиках, где обычно дети отдыхали летом. Домики эти были очень холодные. Нам, 11–12-летним детям, нужно было самим заготовить дрова, чтобы топить печи. Это было первое серьезное испытание.

Л. Сафронова, И. Генслер, Н. Кургапкина.
«Вальс». Пост. Л. М. Тюнтиной.
г. Молотов (Пермь). 1942.
Из личного архива И. Г. Генслер

длинный, через лес. Нам выдали по несколько буханок в руки, мы прижали к себе этот горячий хлеб и вошли в лес. Тишина, снег, мороз, и совершенно невероятный запах горячего хлеба. Мальчишки первые не выдержали и начали щипать понемногу, а потом и девочки, глядя на них. В Нижнюю Курью мы вернулись с сильно пощипанными буханками. А когда нас стали ругать, мы стояли молча, и каждый про себя думал: «Ну, что ж делать, если хлеб такой вкусный». Работали на полях. Выросла капуста, и мы взяли каждый по кочану домой, а ночью, забравшись под одеяло, все хрустели, — думали, что нас совсем не слышно.

К. З. Что танцевали в то время?

Л. Н. С. Наш педагог Лидия Михайловна Тюнтина не только давала урок, но и ставила номера. 6-й вальс Шопена до сих пор танцуют в школе, а поставлен он был для нас в 1942 году! Ставила она очень много, мы танцевали в колхозах и госпиталях. Невозможно забыть благодарность раненых: иногда их аплодисменты были одной рукой по тумбочке, иногда двое раненых аплодировали теми руками, что были не забинтованы. Но на всю жизнь, мне запомнилось

Необходимо было разобрать плиты на Каме, вытащить багром огромные бревна, расколоть и сложить у домика. Пилили целыми днями, на двоих надо было распилить 2 кубометра дров — для маленьких детей испытание очень тяжелое. Мы справились и с этим!

К. З. Как проходили занятия? Что ели, чтобы хватало сил?

Л. Н. С. Пока нагревалась буржуйка — занимались. Одна нога в валенке, другой выполняли движения, потом меняли валенок и делали упражнение другой ногой. За палку было не взяться, до такой степени холодно. Это, конечно, не просто было, мяса-то мы не видели, все отправлялось на фронт. Нам давали только кусочек свиной кожи, мы приклеивали его к буржуйке и весь урок за ним наблюдали, а затем, когда занятие заканчивалось, отлепляли его и клали в рот.

Пекарня была далеко, и хлеб в поселок привозили на лошадях. Но в 1942 году всех лошадей отправили на фронт, поэтому за хлебом послали нас, детей. Путь был очень

лицо раненого бойца, который был весь забинтован, оставались только глаза, и он хлопал ресницами. В них была такая благодарность, забыть эти глаза невозможно и 70 лет спустя.

Часто ездили в Пермь на концерты, где мы вместе с Витей Суховым танцевали «Норвежский танец», который нам поставил Леонид Вениаминович Якобсон в 1-м классе. Это было еще одно очень серьезное испытание для нас. До станции надо было пройти три километра пешком, затем холодный поезд до Перми, госпиталь, концерт, снова холодный поезд и три километра пешком обратно, теперь уже до постели. В Перми нам давали горячую кашу, — но, что эта кружка каши! Потом уже педагоги увидели, что мы совсем не росли, и нас стали оставлять в Перми вместе со старшими учениками. Но кроватей и мест не было, и нас подкладывали «валетом» к старшим. В результате такой сложной жизни только после окончания школы, уже работая в театре в Саратове, я выросла еще на 15 сантиметров.

Пиление дров и поездки в Пермь — это было очень тяжело. Было очень страшно без родителей и без писем. Пока не сняли Блокаду, никаких писем, никаких известий из дома мы не получали. Суровые дни войны нас научили терпеть.

К. З. А как возвращались домой? Какие были эмоции?

Л. Н. С. Когда в 1944 нам сказали, что мы поедем домой — Боже, восторг был такой! Все кричали, визжали, плакали от радости, какой был переполох! Ехали очень долго, пропускали поезда, которые шли с фронта и на фронт. Почти все время пути мы смотрели в окна, пока вагоны весело отстукивали «домой — домой — домой!».

Приехали, — и мама, и сестренка меня встречали, конечно, радость была сумасшедшая. Домом была и любимая Школа, которую мы все вместе мыли, терли, сушили. Сейчас, наверное, непонятно, как мы жили тогда... Но мы выучились, несмотря ни на что, выучились блестяще, стали мастерами своего дела.